

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕМЫ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Период развития русской истории начала XX века можно охарактеризовать как эпоху великих потрясений. Войны, революции, различные катаклизмы свидетельствовали о глубочайшем кризисе русского мироустройства. Общество жило предчувствием глобальной катастрофы. Наиболее остро это ощущали натуры творческие. Как отмечал Н. Бердяев, «русская поэзия начала XX века отличалась наиболее пророческим характером, это была поэзия заката, конца целой эпохи, с сильным элементом упадочничества» [1, с. 69]. Несмотря на различное отношение литературной богемы к средствам и движущим силам грядущей революции и совершенно разное восприятие самого этого понятия, все были едины в одном: революция необходима, старый, погрязший в грехах мир должен погибнуть. Однако взаимоотношения представителей различных литературных течений и направлений того периода в первую очередь определялись принципами отношения к революции как таковой. Например, символисты воспринимали ее не как социальный переворот, а переворот духовный, уже следствием которого станет социальная и экономическая стабилизация. Их оппоненты реалистического толка, напротив, говоря о революции, имели ввиду именно социальный переворот. Однако по своей структуре понятия революции духовной и социальной изоморфны, поскольку сводятся к одной и той же оппозиции: «умирание – новое рождение». В первом случае речь идет о духовном умирании, обнищании людей, находящихся на переломном этапе, необходимости и неизбежности их духовного возрождения на более высоком уровне. Во втором же случае речь идет об умирании старого социального строя, который сменится новым, более совершенным. Оппозиция «умирание – новое рождение» позволяет нам соотнести конкретный эпизод истории (текст истории) с текстом мифологическим. Некоторые понятия, которыми апеллировали люди искусства, также подчеркивали связь между современностью и мифологией. Например, очень часто, характеризуя современную обстановку, использовалось понятие апокалипсис: «Апокалипсис не есть только откровение о конце мира, о страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории, внутри исторического еще времени, о суде над историей внутри самой истории, обличение неудачи истории» [1, с. 107]. Вследствие этого в творчестве совершенно различных писателей и поэтов усиливались элементы ритуально-мифологической семантики. Общая эмоциональная направленность литературы приобретала характер эсхатологического мифа. Бытие личности мыслилось как существование на грани космогонической катастрофы.

Отрицание существующего миропорядка выражалось в резкой критике государственного устройства и социальных отношений, в пророчестве грядущих потрясений и гибели «страшного мира». Порой эта критика приобретала поистине апокалиптический характер: «Полна страданий наша чаша, // Слились в одно и кровь и пот» [5, с. 97]; «Вслушайтесь в звуки фабричных свистков, // Лязг цепей, крик безвольных, бесправных рабов, // Плач детей беспризорных, голодных, // Стон и скрежет проклятий народных...» [5, с.88].

Стремление избежать тотальной гибели, погружения в хаос небытия породило в искусстве мессианские и сотериологические мотивы. Каждый поэт выступал в роли пророка, а каждое идейно-эстетическое направление – в роли спасающей церкви: «Придет пора, порыв созреет, // Заблещет солнцем наша цель. // Поэта мощного взлелеет // Рабочих песен колыбель. // И сн придет, как вождь народный, // Как бури радостный раскат...» [5, с. 93]; «Говорю вам – вы все погибните, // Всех задушит вас веры мох. // По-иному над нашей выгибью // Вспух незримой коровой бог» [5, с. 531].

Литература этой эпохи пронизана пафосом смерти, революционного отрицания. И, как мы уже говорили, обнаруживается поразительное сходство в творчестве представителей абсолютно разных течений и направлений: «Мы тебя доконаем, мир-романтик!» (В. Маяковский) [4, с. 113]; «Ныне на пики звездные // Вздыхливаю тебя, земля! // Протянусь до незримого города, // Млечный прокушу покров. // Даже богу я выщиплю бороду // Осколом моих зубов» (С. Есенин «Инония») [5, с. 318].

В то же время смерть старого мира мыслилась как некая переходная фаза, предваряющая возрождение обновленной вселенной. В творчестве многих поэтов этого периода происходит мифологизация смерти: «Человек упорно выгребает// Противу водопада, что несет// Вселенную// Обрато в древний хаос. // Он утверждает Бога — матаком, // Творит неверьем, строит отрицаньем, // Он зодчий, // И его ваяло – смерть, // А глина – вихри собственного духа» [3, с. 47].

Символика умирания – нового рождения обнаруживается во многих литературных произведениях. В контексте этого историко-литературного процесса происходило развитие одной из самых постоянных и специфичных для русской литературы темы – темы Вечной Женственности. Эта тема не была случайным культурным явлением переходной эпохи, однако в период изменения мировоззренческой парадигмы и тотальной мифологизации общественного сознания, Вечная Женственность, будучи структурным компонентом космогонического мифа, приобретала особую актуальность. Важную роль в этом процессе сыграла философия и поэзия Владимира Соловьева, сквозь призму которой многие молодые поэты смотрели на мир¹. Образ Вечной Женственности

---

¹ Именно поэзия, а не философия В. Соловьева сформировала представления о Вечной Женственности А. Блока. Как отмечал сам поэт, «есть В. Соловьев и его стихи – единственное в своем роде откровение, а есть «Собрание сочинений В. С. Соловьева» – скука и проза» [2, с. 67]

раскрывался в творчестве поэтов Серебряного века по-разному, но для всех Она была источником творческого вдохновения, смыслом и целью существования.

Наиболее последовательно, или, вернее, концептуально, тема Вечной Женственности воплотилась в творчестве поэтов-символистов. Здесь можно вспомнить и В. Брюсова («А я всегда неизменно// Молюсь неземной красоте, // Я чужд тревогам вселенной, // Отдавшись холодной мечте» [6, с. 234]), и Ф. Сологуба («Я возлюбил мечтою пленною// Безумную любовь...» [6, с. 390]), И. Анненского («И если мне сомненье тяжело, // Я у Нее одной ищу ответа, // Не потому, что от Нее светло, // А потому что с Ней не надо света...» [6, с. 30]) и многих других.

Вряд ли вызывает сомнение и тот факт, что наиболее ярко данная тема проявилась в творчестве А. Блока. Она была для него главной на протяжении всего творчества. Все женские персонажи, созданные поэтом (Прекрасная Дама – Незнакомка – Снежная Дева – Россия – Революция), обладали признаками, которые позволяли соотносить их с инвариантным образом Вечной Женственности.

Не избежал этой темы Максимилиан Волошин. В его творчестве Вечная Женственность реализуется в образах Таиах («Ты живешь в подводной сини// Предрассветной глубины, // Вкруг тебя в твоей пустыне// Расцветают вечно сны...» [3, с. 27]), Матери («Мрак... Матерь... Смерть... созвучное единство... // Здесь рокот внутренних пещер, // там свист серпа в разрывах материнства...» [3, с. 55]), Богоматери («Тайна тайн непостижимая, // Глубь глубин необозримая, // Высота невосходимая, // Радость радости земной...» [3, с. 142]), России («Быть Царевной ты не захотела...// Подалась лихому подговору, // Отдалась разбойнику и вору...» [3, с. 105]) и многих других. Его женские образы – нисходящие, грешные, земные, и его лирический герой стремится именно к ним: «Я устал от лунной сказки, // Я устал не видеть дня, // Мне нужны земные ласки, // Пламя алого огня...» [3, с. 28].

В творчестве В. Маяковского, В. Хлебникова, С. Есенина также ощущается стремление и желание обрести Ее. Бесконечные метания В. Маяковского, его любовь, так и не нашедшая взаимности, отразилась в творчестве такими же бесконечными поисками и метаниями лирического героя: «Если б был я// маленький, // Как Великий океан, – // на цыпочки б волн встал, // Приливом ласкался к луне бы. // Где любимую найти мне? // такую, как я? // Такая не уместилась бы в крохотное небо!» [4, с. 104].

Судя по тому, что обращения к этой теме не избежали многие поэты и писатели рубежа веков, тема Вечной Женственности явилась одной из ведущих тем литературы Серебряного века. По-разному этот образ реализуется в их творчестве, но особая роль мифологемы в литературной ситуации рубежа веков не вызывает никаких сомнений. Адекватное понимание сущности этого явления в русском искусстве и специфика реализации мифологемы Вечной Женственности в художественном творчестве помогает, как нам кажется, более адекватно

представить себе специфику мировоззренческих противоречий и самый дух эпохи Серебряного века.

Литература:

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма, – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Блок А. А. Собрание сочинений: в 6-ти томах, – Л.: Худ. лит., 1980 – 1983. Т. 6.
3. Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка/ Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З. Давыдова, В. Купченко. – Минск: Маст. лит., 1993. – 479 с.
4. Маяковский В. В. Всемирная библиотека поэзии. Избранное. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. – 512 с.
5. Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Хрестоматия/ Сост. Н. А. Трифионов. – 5-е изд., дополн. и перераб. – М.: Просвещение, 1987. – 655 с.
6. Русская поэзия. Серебряный век, – Минск: «Пейто», 1997. – 512 с.
7. Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.